От автора (дисклеймер)

Дорогие читатели! Приветствую вас на страницах своего романа. Прежде чем вы начнете читать, хочу обсудить несколько моментов. Во-первых, эта книга написана в жанре, который для меня совсем не свойственен. Мне было интересно поработать в новом направлении и при этом сохранить ту изюминку характеров героев, которую я переношу из книги в книгу. Как вышло — решать вам. Я правда очень старалась.

Во-вторых, в данной книге содержатся сразу обе части романа. Они внутри книги будет разделены, и вы обязательно поймете, что перепрыгнули в продолжение. Поэтому если у кого-то возникнет вопрос, выйдет ли вторая часть, то нет — все сразу в одной книге.

Данный сюжет является полностью вымышленным и не относится к реальным людям.

Внимание!
Книга содержит серьёзные триггерные темы и предназначена исключительно для совершеннолетних читателей (18+).

В тексте присутствуют:

- Сталкинг и обсессивное поведение.
- Насилие (физическое, психологическое).
- Сексуальные сцены (включая элементы доминирования и легкого принуждения).
- Травматичный семейный бэкграунд (алкоголизм, насилие в семье, упоминания убийства).
- Манипуляции, токсичные отношения, ревность.
- Описания крови, ранений и жестокости.

Автор (в лице меня) не романтизирует и не оправдывает описанные формы насилия и токсичного поведения в реальной жизни. Всё, что происходит между персонажами, — часть вымышленного дарк-романа.

Если у вас есть психологические травмы, связанные с насилием, преследованием, сексуальным принуждением или семейным абьюзом, пожалуйста, воздержитесь от чтения.

Книга написана в жанре дарк-роман и не претендует на реалистичность или моральное поучение. Чтение осуществляется исключительно на ваш страх и риск.

Искренне ваша, Ники Сью

Плейлист

Drift Into Ruin — What My Eyes Hold

DarkLux — Beauty And A Beat

Daughtry — Cry For Help

DarkLux — Homewrecker

Conor Maynard — Runaway Man

Akmal' — Ты — мои разбитые мечты

HAMMALI, Akmal' — О чем ты не спишь по ночам?

Ваня Дмитриенко — Ртуть

Пролог

В зал медленно стекались гости, одетые в роскошные наряды, от которых рябило в глазах. Сказать по правде, я презирал это чертово высшее общество с их фальшивыми улыбками и пустыми разговорами. Но приходилось здесь бывать. Работа обязывала. Моя жизнь — тень, где каждый шаг выверен, каждый взгляд — оружие.

Порой я задавался вопросом, зачем пошел к дяде в тот день, зачем попросил его научить меня убивать. Он не хотел. Все твердил мне, что отец был бы против. Но отца давно нет в живых, и прислушиваться к его мнению я не планировал. В моей груди жила дыра размером с Марианскую впадину, и ее надо было чем-то заделать. Жаль, что для таких вещей не подходит банальный лейкопластырь. Было бы неплохо заклеить им и дыру, и душу. Хотя… В последний год я все чаще задумывался — есть ли у меня вообще душа? Способен ли я хоть что-то чувствовать? И пару дней назад выяснилось, что порох в моей пороховнице никуда не делся.

Собственно, поэтому я и пришел на самый пышный на моей памяти прием, посвященный семейству Амировых. Я знал, что она будет здесь. Девушка, которую мне априори нельзя было любить, а я, как чертов кретин, именно этому греху и поддался.

Прости, отец… Твой сын — предатель. Дерьмо, которое ты вправе ненавидеть.

Я взял бокал шампанского у официанта, поднес его к губам, но так и не сделал глотка. Замер, увидев их. В груди что-то заштормило: кажется, это душа подавала признаки жизни. Умершая и выпотрошенная.

Но я постарался отвлечься от собственных чувств и сконцентрироваться на увиденной картинке. Даниэль, наследник одной влиятельной и очень богатой семьи, вел под руку ее. Ту, что я не должен был любить. Ту, что я, как одержимый,

искал месяцами, пока резко не остановился, решив, что это знак. А знаки, как говорится, нужно уважать и соблюдать. Вот и я поддался этому желанию, завязал глаза черной лентой и как-то пробовал существовать дальше.

И… судьба будто решила посмеяться. Не хочет она, родимая, отпускать меня. Решила подкинуть в и без того шаткую жизнь адреналина. Выкрутить по новой, зажать пальцами шею, выбить весь кислород из легких. Дать возможность встретить эту девушку, когда у нас с ней нет, не единого шанса на «хеппи-энд».

Она улыбнулась Даниэлю, и моя челюсть невольно сжалась до боли. Ревность ядом расползлась по венам, медленно и верно убивая каждую гребаную клетку в теле. Он отпустил ее руку, оставив в центре зала, и пошел здороваться с влиятельными типами, чьи лица я знал лучше, чем хотелось бы. А она… она стояла, растерянная, будто не понимала, куда себя деть. Ее хрупкая фигурка в этом прямом платье с неприличным разрезом до бедра и открытой спиной, привлекала внимание всех змей, что собрались в этом логове.

Черт… Как она вообще могла стать его женщиной? Как? Не понимаю.

Она вдруг начала оглядываться, словно ощущала мой взгляд на себе, но, не найдя никого, — а меня она явно не заметила, — поспешила выйти из зала. Я двинулся следом, тенью скользя по пустому коридору. Шаг за шагом. Она остановилась, не оборачиваясь. Почувствовала? Наверняка.

Дернув ручку двери подсобного помещения, маленькая принцесса скрылась в темноте. Я вошел следом, не в силах ничего с собой поделать, хотя не должен был входить. Стоило держать себя в узде, но было поздно. Она не обернулась. Так и стояла спиной, позволяя разглядывать в тусклом свете плечи, спину, задумываться о том, какого цвета белье под этой тряпкой.

Повисла пауза. Долгая, тяжелая, почти невыносимая.

— Госпожа Амирова, — произнес я с усмешкой, нарочно назвав так, хотя внутри вспыхнул не хуже вулкана от ревности. — Эта фамилия тебе не пойдет.

— Я… — Она шумно выдохнула и наконец, повернулась. Ее глаза, почти ангельские в тусклом освещении, поймали мои. Она моргнула, отступила и уперлась спиной в стену.

— Почему ты сбежала? — Я шагнул ближе, и расстояние между нами исчезло. Провел пальцем по ее обнаженному плечу, чувствуя, как сгораю от этих прикосновений. Эта девушка принадлежала мне. Только мне. Не ему. И должна остаться моей.

Неожиданно она откинула мою руку — взгляд ее стал решительным, почти дерзким.

— Не трогай меня, Тим. Никогда. Больше никогда, слышишь?

Я усмехнулся, наклоняясь ближе. Аромат ее парфюма ударил в нос и вызвал щемящее чувство тоски. По тем дням, когда мы жили в моей квартире и спали в одной кровати.

Она, кажется, тоже подумала о прошлом: ее дыхание сбилось от нашей близости, как бывало всегда, когда я оказывался рядом.

— Если продолжишь так на меня смотреть, я трахну тебя прямо здесь, крошка, — прошептал я, намеренно провоцируя. Эта девушка пробуждала во мне зверя, ненасытного и вечно голодного.

Она толкнула меня в грудь, видимо, захотев показать, что я ей безразличен, но это только разожгло огонь. Вцепившись своими тонкими пальчиками в мои плечи, она дернулась, а я резко подхватил ее под бедра и прижал к стене. Черное платье задралось, обнажая нежную кожу, и я услышал, как моя принцесса тихо выругалась.

— Ублюдок! — прошипела она, почти касаясь моих губ, и начала брыкаться. Но я уже не мог остановиться.

Пальцы скользнули под юбку, нашли тонкую ткань трусиков.

— Скажи, что скучала по мне, — потребовал я, представляя, как срываю с нее это платье, как она стонет подо мной, умоляя не останавливаться.

— Отпусти меня. — Она дернулась, но я лишь сильнее сжал ее бедра. Жар в низу живота усилился, отключая мозги.

— Нет. — Я вдохнул ее аромат — спелые яблоки. Черт возьми, как я мог забыть? — Ты моя. И этот твой Даниэль… он не получит тебя. Никогда.

— Я почти замужем, Тим! — Ее голос дрожал, но в нем звенела сталь. — У меня есть…

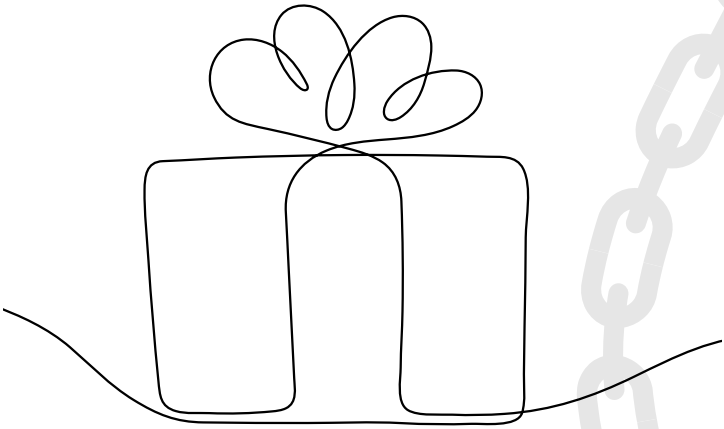
— Не будешь ты его женой! — рявкнул я, обрывая ее. — Ты сама знаешь, что между вами ничего нет. Ты не его и никогда не была его.

Я коснулся ее… там: она была влажной. Пах забурлил жидким свинцом, желая получить разрядку, но я медлил. Сам не знаю почему. Моя принцесса простонала: тихонько так, сладко, как только она умеет.

— Вот видишь, — прошептал я и резко отпустил ее: растерянную, смущенную, кусающую губы. — Ты моя.

Она молчала, но взгляд говорил больше, чем слова. Она ненавидела меня и в то же время желала. В тот момент я отчетливо понял — гори оно все синим пламенем. Я заберу ее у Даниэля. Любой ценой. Даже если придется разрушить все, что у меня есть. Даже если придется умереть.

Часть 1



Глава 1

Настя

— Ну и ну, — вздохнула Маринка, когда лампа снова моргнула. Из-за сильного дождя с электричеством снова были перебои.

Я отложила фен, кое-как просушив волосы. Пока бежала к Маринке в гости, промокла вся до нитки. В другой раз я бы и не пошла, но дома находиться было настолько невмоготу, что лучше уж дождь, ветер, ураган, да что угодно, только не оставаться там.

В дверь позвонили, и Белкина так заговорщически подпрыгнула на месте, что я сразу поняла — дело нечисто. Вышла в коридор, кутаясь в олимпийку лучшей подруги, и замерла на месте, когда порог переступил он. Привалился плечом к дверному косяку, пока Маринка на нем висла, на радостях впиваясь губами в его щеку и блаженно закрывая глаза. А он… Он почему-то в этот момент, не стесняясь, рассматривал меня, словно какую-то диковинку.

— Привет, — только и смогла выдавить из себя я, слишком внимательно изучая незнакомца.

Высокий, плечистый, с острыми скулами и довольно чувственными губами. В его облике читалась какаято невероятная уверенность — не напускная, а естественная, будто он с рождения знал, что мир лежит у его ног. Тёмные брови подчёркивали его взгляд — цепкий, изучающий, серьезный. И улыбка такая… красивая, но при этом не предвещающая ничего хорошего. На руке были часы, а из-под расстегнутой кожанки виднелась рубашка с эмблемой «Лакост». Все в этом человеке так и кричало, что он не из бедной семьи.

Парень провел рукой по коротким волосам цвета коньяка и произнес, не сводя с меня заинтересованного взгляда:

— Ну привет.

Спину осыпал табун мурашек. А почему — я и сама не поняла.

— Ой! — пискнула Маринка. — Знакомьтесь. Это Тимофей, можно Тима, да?

Он кивнул, подмигнув мне. Я тут же стушевалась, ощутив стыдливое смущение. Про Тиму Маринка рассказывала мало, только то, что они познакомились в парке, когда она каталась на роликах. Она толком ничего не знала о нем — ни про семью, ни где он учится, да и не волновало ее это. Главное — машина спортивная и безлимитная кредитка. Вот и все, что нужно Ольшанской.

— Настя… То есть меня Настей зовут.

— Понятно. — Он не переставал смотреть на меня, и это, с одной стороны, напрягало, а с другой - от его красноречивого взгляда у меня аж живот стягивало. Со мной такое происходило первый раз.

— Идем. Чего в проходе стоим? — очнулась Маринка.

Она завела нас на кухню, вытащила пирог из духовки, и маленькое помещение тут же наполнилось ароматом выпечки. Затем достала из ящика наливку, которую передала ей бабка из деревни. И только после мы расселись за столом. Свет от старой люстры падал неровно, поэтому создавалось ощущение, словно Маринка в самом центре освещения, а я — чуть в тени, почти у стены. Подруга весело болтала с Тимом, смеялась, наклонялась к нему через стол, а он отвечал короткими фразами, но взгляд его время от времени возвращался ко мне. И я вдруг почувствовала себя третьей лишней. Вот зачем она его позвала? Стоп. А может, они договорились встретиться, и это я подруге как снег на голову свалилась? Блин, нехорошо.

За окном шумел ветер, гнал по асфальту сухие ветви, а здесь, на кухне, всё казалось одновременно уютным и чужим. Наверное, поэтому я теребила край салфетки, стараясь не смотреть на Тима, хотя кожей ощущала его внимание — оно будто висело в воздухе, смешиваясь с запахом ванили и терпким ароматом наливки. Маринка уже открыла ее и собралась разливать.

— Марин, я это… — покачала я головой, когда подруга протянула мне бокал. — Не буду.

— Да за знакомство, чего ты? — обидчиво надула она губы.

— Я тоже откажусь, мне еще за руль, — поддержал Тимофей.

— Скучные вы, ребят… — приуныла Маринка, но наливку пригубила.

Настя

Я хотела возразить ей, что не в бутылке счастье, но мой телефон неожиданно пиликнул. Вытащив его, я увидела очередное оповещение о доставке. Тело вмиг будто одеревенело: мне сделалось не по себе. Я закусила губу, стараясь держаться спокойно и не думать ни о чем плохом, но лицо, как обычно, выдало меня с поличным.

— Опять он? — нахмурилась Белкина.

Я не хотела говорить при ее идеальном до чертиков парне о наболевшем. Он явно жил в каком-то другом мире: где обедают за большим столом среди семьи, по утрам желают друг другу «доброе утро» и никто не мыслит относительно тебя ничего плохого. Так мне казалось, когда я смотрела на Тимофея. Моя реальность сильно отличалась по всем категориям. Она была той, какую обычно скрывают за семью замками. Да и в целом, кому чужие проблемы интересны? Но Маринка вдруг позабыла обо всех рамках приличия и давай вещать:

— Насте какой-то ухажер через курьерскую службу дарит непонятные коробочки. Уже, между прочим, третья за месяц. Этот Ромео посылает ей их каждую пятницу в одно и то же время. Но Авдеева боится вскрывать, — запросто рассказывала Маринка.

Я разозлилась на нее, обиделась молчаливо. Зачем она так? Совершенно постороннему человеку? Я ведь с ней как с близкой делилась, а не просила сделать то, что меня терзало, достоянием общественности. Хотелось, конечно, отругать подругу, задрать носик и уйти.

Вся эта история отзывалась страхом. Даже слушать про проклятые коробки было жутко, а заглядывать внутрь - и подавно. А она болтала о них, как о ерунде какой-то. Для нее-то, может, и ерунда, а мне каждый раз не по себе становилось. Мурашки по коже пробегали. Противные такие, от которых волоски вставали дыбом.

Внешне коробочки были в упаковках: матовые, черные, с кроваво-алым бантиком сверху. Я как увидела первый раз, мне сразу поплохело. Отложила в дальний ящик и забыла. Но через неделю мне пришла еще одна коробка. Такая же, черная с красным бантом. Ее я тоже отправила в ящик, так и не вскрыв. Сегодня приехала третья… Господи, сколько их еще должно прийти? Когда это прекратится? Сердце болезненно сжалось от чувства безысходности.

— Так, может, тебе просто вскрыть их? — предложил Тим, проводя пальцем по ободку чашки с кофе, которую перед ним поставила Маринка.

— А если там… ну… — замялась я: отчего-то мне всем нутром не хотелось вскрывать подарки.

— Не конечности же человеческие там, в конце концов, — бросил Тим и хищно рассмеялся, сверкнув белозубой улыбкой. Уверена, он не поверил мне или посчитал дурочкой, которая что-то приукрашивает. Нет, может, оно со стороны и звучало забавно, но в реальности же я жутко перепугалась, когда увидела очередной подарок в прошлую пятницу.

— Слушай, а правда, — поддержала Маринка. Хотя до этого была на моей стороне. — Открыть надо, и дело с концом.

— Нет, — покачала я головой. — Мне сердце подсказывает, что… ну…

— Боишься? — Глаза Тима сузились, он подался вперед, задумчиво поглаживая длинными пальцами подбородок.

И я поймала себя на мысли, что тушуюсь от его взгляда, прямого и пронзительного. Вроде и ничего в нем особенного не было, но при этом он показался мне таким жадным, что к щекам вновь прилип румянец.

Мамочки! Ну что такое? Маринка — моя самая лучшая подруга. Как я вообще могу в таком ключе думать про парня напротив? Что за глупости? И чтобы как-то оттолкнуть от себя эти мысли, я схватила кружку с чаем, сделала большой глоток. Как назло, напиток оказался горячим, и я, ко всему прочему, обожгла язык. Замечательно!

— Тим, ну она же девочка, — ответила за меня Белкина. — А вдруг там реально маньячина какой? Кто знает, что у отправителя в голове. Слушай, а может, тебе с ней поехать? Посмотрите вместе эту коробку. Как думаешь?

— Мне?

— Ему?

Мы спросили это в унисон. Затем снова переглянулись и мне сделалось душно.

— Конечно! Тим же парень, если что, помочь сможет. А я… Я пока ужин приготовлю. Как тебе идея? Заодно и Настю подбросишь домой. Ливень такой, как ей идти?

Честно сказать, идея подруги мне понравилась. Все-таки одной вскрывать «подарки» было жутко, а с кем-то, наверное, и не так страшно. Плюс, я догадалась, что Белкина хочет от меня избавиться. У них тут, видимо, интим намечался, а я своим визитом все испортила.

— Ладно, — кивнула я, шумно вздохнув. — Если не сложно…

Настя

— Хорошо, — согласился Тим, поднимаясь с табурета. — Мне не сложно, даже интересно. Идем, Настя…

Я быстренько оделась и выскочила в подъезд. Когда Маринка, помахав нам, закрыла дверь квартиры, я поймала себя на странной мысли. Дикой. Она охватила горло тугими лианами, не давая вдохнуть.

Будто я совершаю ошибку.

Но я отмахнулась от этого ощущения, списав все на непонятное волнение перед вскрытием коробки. Глубоко вдохнула. Это просто нервы, не более.

Дверь подъезда распахнулась, впустив порыв холодного ветра — он будто пытался остановить меня, коснувшись затылка ледяными пальцами. Но я и тут отмахнулась, а потом увидела машину Тимофея и обомлела. Черный тонированный спорткар. Я не очень разбиралась в марках, но эта на вид казалась дорогой. Дерзкая. Опасная. Как и ее хозяин.

А когда мы уселись в салон, Тим повернулся ко мне и неожиданно произнес:

— Посмотрим, кто охотится за ангелом.